

Тоомас ВАРРАК*

ИСТОЧНИКИ МОБИЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЭЛЕКТОРАТОВ ПАРТИЙ В ШВЕЦИИ (1956—1982)

1. Мобилизация партийных электоратов

Изучение источников электорального набора партий естественно начать с рассмотрения распределения социальных групп между разными политическими направлениями. Но так как при многопартийной системе одновременно приходится следить за динамикой этого распределения во времени, то для удобства изложения материала будем следовать не по социальным группам, а по партиям.

Из выделяемых соответствующей статистикой агрегатных параметров привлечем для анализа четыре: пол, возраст, доход и тип поселения. Первый и последний из них подразделяются сравнительно четко и бесппроблемно: мужчины — женщины, город — село. Второй и третий представляют в этом плане некоторые трудности, так как система статистического учета время от времени меняется и приводимый источниками материал не всегда сравним. Это затрудняет подготовку исходного материала для анализа. Однако, учитывая, что такие параметры играют в контексте анализа второстепенную роль, а также желая не увлекаться развитием побочной проблематики, экономить объем и не рассеивать внимания, упростим эту систему параметров до минимума, достаточного для формулировки выводов.

Из возрастной структуры отберем три группы (условно — молодые, зрелые и пожилые) с разрывом в десять лет, чтобы четче разграничить их между собой. Подобная классификация устраним в какой-то мере методические проблемы, возникающие в связи с возрастным континуумом. Думается, что она имеет достаточную репрезентативность для того, чтобы с уверенностью опираться на нее при определении поведенческих мотиваций людей различного возраста.

Трудности представляет и определение агрегатного параметра «доходы». В данном случае они возникают не только из-за континуума спектра доходов, но и потому, что на протяжении лет денежная стоимость меняется. Поэтому при анализе длительной ретроспекции целесообразнее пользоваться не количественной, а качественной системой измерения доходов, подразделяя их на низкие, средние и высокие. Конечно, и такая система не избавляет от методических трудностей, произвольности пересчета и т. д., но все же несколько увеличивает надежность результатов анализа. В сущности характеристика электората по агрегатным параметрам не имеет самостоятельной аналитической цели, а выполняет роль дополнительного индикатора социальной стабильности его состава.

1.1. Мобилизация по агрегатным группам

Изучение социальных источников электорального набора политических партий по агрегатным параметрам уместно начать с общей характеристики избирательного корпуса.

Швеция издавна считается страной, где интерес населения к политической жизни, в том числе и к выборам, находится на более высоком

* Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut (Институт истории Академии наук Эстонии). 200101 Tallinn, Rütli 6. Estonia.

уровне, чем во многих других индустриально развитых странах, имеющих приблизительно подобную партийно-политическую и конституционную систему. За рассматриваемый период политическая активность избирательного корпуса выросла еще на 10% и достигла 90% — можно считать, конечного пика. Если попытаться установить, за счет каких групп произошло это увеличение, из каких социальных источников пополнялся шведский электорат, то в рамках выбранных параметров вырисовывается следующий социальный механизм. Рост политической активности избирательного корпуса наблюдается во всех агрегатных разрезах, хотя не всегда в одинаковой мере, и во всех территориальных (избирательных) округах, причем независимо от особенностей социально-экономической структуры округа. Другими словами, разные социальные группы реагируют на изменяющиеся условия общественного бытия политически сходным образом. Эта черта массового политического выбора сосуществует, однако, с другой, кажущейся противоречивой, которая заключается в том, что социальный состав электоратов партий обнаруживает явные признаки классовой приверженности.

Для наглядности приведем некоторые цифры, характеризующие вышеприведенное заключение, что политическая активность шведского электората увеличивалась не за счет какого-то особого контингента, а за счет всех рассматриваемых групп в целом. Наибольший рост активности наблюдался в агрегатных группах молодого избирателя (прирост 17%), низких доходов (17%) и горожан (10%), принадлежащих в основном к трудящимся массам. Но и остальные группы проявляли немалую активность: избиратели зрелого и пожилого возраста (соответственно 8 и 12%), средних и высоких доходов (6 и 5%), из сельской местности (8%). Таким образом, вклад определенной агрегатной группы в возросшую политическую активность избирательного корпуса зависит от наличия «свободных запасов» данной группы, т. е. от численности той ее части, которая еще не была вовлечена в массовый политический процесс. Ведь хорошо известно, что политическая активность молодых избирателей, как и групп с низкими доходами, заметно ниже, чем активность зрелого и обеспеченного избирателя. Значит, эти группы оказались более восприимчивыми к воздействию факторов, вызывающих в конечном счете рост политической активности избирательного корпуса.

Перейдем теперь к рассмотрению того, насколько притягательны политические устремления и ценности партий Швеции для разных агрегатных слоев избирателей. В изложении материала будем придерживаться традиционной в шведской практике последовательности, т. е. начнем с изучения буржуазных партий.

В табл. 1 приведены агрегатные параметры, характеризующие притягательную силу Умеренной коалиционной партии (УКП) в избирательном корпусе в 1956—1982 гг. Так как цифровые величины параметров заимствованы из разных источников и взаимосвязаны, то при их анализе желательно, следя за каким-то одним параметром, не упускать из виду и остальные. Это позволяет обнаружить несравнимость цифр, исходящую либо из методических особенностей составления источников, либо из статистической случайности.

Чтобы последующий анализ имел надлежащую базу, коротко рассмотрим итоги выборов в УКП. По статистике выборов легко заметить, что поддержка партии прошла за исследуемый период два этапа: в первый (1956—1970) удельный вес УПК в политическом балансе страны неуклонно снижался (19,5—11,5%), во второй (1970—1982) — почти удвоился, достигнув 23,6% на выборах 1982 г. Из данных табл. 1 напрашивается однозначный вывод: набор электората из агрегатных источников либо сокращался, либо увеличивался во всех разрезах одновременно. Следовательно, удельный вес партии зависит от отношения к

Удельный вес набора Умеренной коалиционной партии в шведском избирательном корпусе по агрегатным параметрам, %

Агрегатный параметр	1956	1960	1964	1968	1973	1976	1977	1982
Пол								
мужчины	13	14	—	12	12	14	19	25
женщины	16	11	—	12	12	13	18	21
Возраст								
21—29	11	10	8	8	10	9	14	23
40—49	13	13	9	10	12	17	23	25
60—79	12	14	12	11	16	14	18	17
Доходы								
низкие	—	10	9	10	11	10	10	20
средние	—	8	5	6	10	10	15	17
высокие	—	32	17	15	17	24	42	34
Тип поселения								
город	14	15	10	13	20	14	21	23
село	11	10	9	13	11	9	16	22

* Источники (здесь и для табл. 2—5): *Westerståhl, J., Särlovik, B. Svensk valrörelse 1956. Arbetsrapport I; Riksdagsmannavalen 1959—1960, 2; Riksdagsmannavalen 1965—1968, 2; Statistisk årsbok för Sverige, 1968—1985; Petersson, O. Väljarna och valet 1976. Rapport 2.*

ней всего избирательного корпуса, а не какой-то его отдельной группы. Разные слои избирателей воспринимают политические изменения в общественном мнении более или менее одинаково. Но общая реакция всего избирательного корпуса на факторы, вызывающие политические тренды, не означает, что все слои общества проявляют ее сходным образом. Та или иная агрегатная группа испытывает воздействие таких факторов с различной интенсивностью.

Более подробный анализ по отдельным выборам выявляет, конечно, и отклонения, на первый взгляд противоречащие приведенному заключению. Но уместно воздержаться от поспешного объявления таких отклонений изменением общего характера электорального поведения избирателей. Вполне возможно, что такие отклонения вызваны либо методикой подсчета, либо статистической ошибкой. Наконец, такие изменения содержат и случайный элемент, который определяется только конкретной ситуацией выборов. Поэтому не все обнаруживаемые в табл. 1 структурные сдвиги одинаково пригодны для обобщения. Предпочтение в этом отношении следует отдать тем, глубина или трендообразность которых обеспечивают определенную страховку от случайностей или ошибок. Так, изменения половой структуры электората УКП вряд ли позволяют делать выводы относительно основательных перемен в наборе электората. Но что касается возрастной структуры набора, то заметным в ней оказалось относительное уменьшение пожилых. С другой стороны, мобилизация этой группы была более стабильной, чем мобилизация молодого или зрелого избирателя. Набор электората в структуре доходов изменился в пользу групп среднего достатка.

Несколько неожиданной оказалась малая стабильность группы высоких доходов, удельный вес которой менялся от выборов к выборам относительно сильно. Мобилизация этой группы в электорат УКП — партии монополистической буржуазии — колебалась от 15 до 42%. Группа низких доходов была в этом плане стабильнее, хотя и ее набор колебался от 9 до 20%. Некоторые сдвиги имели место в мобилизации электората по структуре поселения, но характер этих сдвигов во времени определить трудно. В первой половине изучаемого периода преобладал набор городского избирателя, затем, с середины 60-х годов, последо-

вало приблизительное равновесие обоих структурных элементов, чтобы опять отступить перед усилением городского набора.

Наряду со структурными сдвигами и особенностями бросается в глаза то обстоятельство, что набор электората имеет почти в любой агрегатной группе свою меру, приблизительно равную относительному весу партии в общегосударственном балансе. Единственным агрегатным элементом, явно отличающимся от остальных и характеризующим УКП с точки зрения особенностей ее социальных источников, являются, пожалуй, «высокие доходы».

История массовой поддержки партии Центра за 1956—1982 гг. тоже распадается на два периода. С 1956 по 1973 гг. партия неуклонно увеличивала свою долю в национальном электорате (с 9,4 до 25,1%), затем последовал постепенный спад. На выборах 1982 г. ее массовая поддержка упала до отметки 15,5%. Как и в предыдущем случае, интересно отметить один факт: и в укреплении, и в ослаблении партии Центра принимали «посильное» участие все агрегатные группы, т. е. их социально-политическая реакция на выборы была сходной. Наибольшую восприимчивость к воздействию факторов, вызывающих тренды, обнаруживают группы молодых и сельских избирателей. Как в период укрепления, так и в период упадка партии они проявили высокую лабильность. Правда, в первый период в структуре электорального набора отмечался сильный рост удельного веса городского избирателя. Причина этого роста — переориентация партии с крестьянства на более широкие слои средних классов. Такая политика партии Центра привела к тому, что в структуре ее электорального набора городской избиратель одержал верх над сельским. Динамизм, превышающий средний, обнаруживается и в группе высоких доходов за период до 1973 г., в последующем он немного уменьшился, но остался все же заметным. О решительном изменении социального облика и опоры партии по агрегатным разрезам трудно говорить, если не принимать в расчет явное увеличение относительного веса городского избирателя.

В электоральном наборе партии Центра по агрегатным признакам выделить какие-то характерные особенности затруднительно. Разве что обращает на себя внимание тот факт, что наиболее весомо в нем представлена группа избирателей с низкими доходами, хотя партия Центра — это буржуазная партия. Добавим еще, что ее поддерживали в основном избиратели зрелого и пожилого возраста.

В рассматриваемый период (1956—1982) кривая массовой поддержки Народной партии почти неуклонно ползла вниз. Только выборы 1970 и 1976 гг. свидетельствуют о временной стабилизации положения. Доля партии в национальном электорате снизилась с 23,8% в 1956 г. до 5,9% в 1982 г., т. е. приблизилась к опасному рубежу 4%, за которым следует потеря права быть представленной в риксдаге. При этом спад интереса избирателей к Народной партии прослеживается во всех агрегатных разрезах электората и является как бы «функцией» ее идеологии¹. Обосновывалось такое заключение тем, что социальная структура электората Народной партии, хотя и претерпела некоторые изменения, в основном сохранила свой социальный характер².

Изучение набора электората Народной партии по разным агрегатным источникам подтверждает такое заключение. В половой структуре мобилизация снизилась в среднем с 25% в 1956 г. до 6% в 1982 г. (и мужчин, и женщин). Примерно в таком же масштабе уменьшился

¹ Варрак Т. К. Народная партия в водовороте социально-экономических перемен в Швеции 1956—1976. — В кн.: Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов, 1. Тарту, 1982, 50.

² Там же, 49.

набор из всех возрастных и доходных групп. В последнем случае базой сравнения является уровень 1960 г. Только в структуре поселения наблюдаются сдвиги, которые привели к изменению характера электората Народной партии. В начале рассматриваемого периода партию поддерживало в среднем около 30% городского и около 15% сельского населения, т. е. социальные корни Народной партии глубже проникли в городскую, чем в сельскую среду. К 80-м годам эта разница заметно выровнялась и, если верить в точность статистики, на выборах 1982 г. изменилась на 180 градусов.

Социальная характеристика Народной партии не позволяет на базе приведенных агрегатных параметров электорального набора выявить в начале 80-х годов каких-либо особых черт. Как уже отмечалось, преобладание в ней горожан постепенно уменьшалось, а к рубежу 80-х годов набор Народной партии из разных агрегатных групп почти соответствовал уровню относительного веса партии в национальном электорате.

Социал-демократическая партия Швеции (СДПШ) переживала подъем с 1956 по 1968 гг. Ее доля в национальном электорате выросла с 44,5 в 1956 г. до 50,1% в 1968 г. Затем последовали короткий спад и восстановление положения на уровне начала 70-х годов.

Изучение агрегатных источников социального набора и в этом случае приводит к заключению, что поддержка партии испытывает периодические колебания — либо прилив, либо отлив избирателей во всех агрегатных разрезах — и зависит от «ветров перемен» в общественном мнении.

С другой стороны, на результатах выборов СДПШ больше, чем каких-либо других партий, сказывается воздействие случайных, вызванных стечением обстоятельств факторов (независимо от социальной механики трендов). Это хорошо видно по половой структуре набора социал-демократического электората, которая меняется буквально на каждом выборах. Но так как по масштабу эти колебания невелики, то их трудно отслеживать в других агрегатных разрезах, где признаки структурного развития более заметны.

Из структурных сдвигов в возрастном разрезе наиболее весомым для социал-демократов является увеличение электорального набора из пожилого поколения: их активность возросла с 33% в 1956 г. до 50% в 1982 г. В разрезе доходов увеличивалась мобилизация групп с низкими, а также с высокими доходами. Группа средних доходов, охватывающая в основном трудящихся, снизилась с 63% в 1968 г. до 51% в 1982 г. В межгрупповых соотношениях происходили также некоторые подвижки, но они вели скорее к выравниванию межгруппового баланса, нежели к его нарушению.

На социальном портрете СДПШ по агрегатным признакам нет особо ярких черт. Разве что можно выделить более крепкие корни партии в социальных группах со средними доходами и пожилого возраста.

Для анализа мобилизации соответствующих агрегатных групп электората Левой партии коммунистов (ЛПК) статистика источников представляет известные трудности. Учитывая уровень массовой поддержки ЛПК, следует ожидать, что статистическая ошибка наиболее ощутима в данных, касающихся коммунистов. В то же время результаты выборов ЛПК менее трендообразны (чем у остальных партий) и более подвержены влиянию кратковременных, случайных факторов. Так что общий уровень электоральной поддержки можно считать более или менее постоянным, а результаты выборов — несколько отклоняющимися по обе его стороны. Но имеющийся материал и здесь не противоречит тому, что было отмечено выше относительно социального механизма формирования результатов выборов.

Что касается социального портрета ЛПК по набору электората партии, то особенность ему придает явно более сильная мобилизация молодого избирателя. В структуре доходов коммунистический электорат в целом был сильнее представлен группами низкого и среднего достатка, но на выборах 1982 г. группа высоких доходов вышла на один уровень с остальными. Свидетельствует ли это о статистической ошибке или о временном и крупном сдвиге в предпочтениях этой части избирательного корпуса — судить об этом на основе имеющихся данных трудно. Во всяком случае эти выборы не изменили положения ЛПК в политическом балансе страны. Об определенных переменах в структуре мобилизации коммунистического электората указывает, однако, то обстоятельство, что в 1982 г. произошел несомненный сдвиг в наборе по структуре поселения электората. Резко увеличился набор сельского избирателя, доля мобилизации которого явно перевесила обычно преобладавшую долю горожан. Ниже мы увидим также, что в 70-е годы увеличился набор электората ЛПК в социально-экономической (статусной) структуре избирательного корпуса из группы «высший класс».

1.2. Мобилизация социально-экономических групп

В данном случае приходится сталкиваться с трудностями иного рода. В частности, потому, что в социальной статистике Швеции произошла замена системы социально-экономического, статусного учета. Отчет Ю. Вестерстола и Б. Сэрвика относительно выборов 1954 г., например, построен еще на разбивке социальной структуры на три класса: высший, средний, рабочий или, соответственно, I, II, III. В отчете относительно выборов 1956 г. сочетаются уже старая и новая классификации, т.е. вводится новая разбивка по социальным группам³. Кроме того, социальную информацию приходится в данном случае заимствовать из социологических исследований. Это обстоятельство делает исходный материал зависимым от методов и критериев, применяемых разными исследователями, а также от периодичности проведения таких исследований⁴. Важность этого аспекта социального анализа не раз побуждала шведских исследователей обращаться к проблеме сравнимости данных. Теперь это позволяет с большей уверенностью составить, если и не совсем равномерную и полную, то по крайней мере вполне приемлемую источниковедческую основу для нижеследующего анализа.

Первое, на что следует обратить внимание в данном случае: проявляют ли социально-экономические группы присущий агрегатным группам тип поведения, т.е. реагируют ли они на «ветры выборов» независимо от социально-экономической характеристики группы? Просмотр материала убеждает, что это действительно так. Конечно, бывают и исключения из общего правила, про которые в рамках данного анализа трудно сказать, являются ли они следствием положения этой группы в конкретной ситуации выборов, статистической ошибкой или чем-либо другим. Но в целом такие отклонения имеют скорее характер частного случая, нежели каких-либо закономерных изменений, которые противопоставлялись бы общему направлению политического сдвига.

Посмотрим теперь, из каких социально-экономических групп черпают партии свои электораты, обращая заодно внимание и на отклонения или особенности политического выбора разных групп.

³ *Westerstahl, J., Särlovik, B. Svensk valrörelse 1954. Arbetsrapport I, II. Statsvetenskapliga institutionen (stencil). Göteborgs Universitet, 1956.*

⁴ Более подробно о системе составления социально-экономической классификации в подобных исследованиях см. в отчете О. Петерсона о выборах 1976 г. *Petersson, O. Väljarna och valet 1976. Rapport 2, 283—286.*

УКП — консерваторы — имела наибольшую притягательную силу в группе крупных предпринимателей и высшего чиновничества. В 1956 г. за УКП голосовало 53% этой группы. Для остальных групп УКП представляла интерес рангом ниже. Наименьшим интерес к УКП был среди индустриального пролетариата — только 1% этой группы увидел в партии политического представителя и защитника своих интересов. Но это положение со временем несколько изменилось. В 1976 г. интерес крупных предпринимателей и высшего чиновничества к УКП спал до 39%, тогда как мобилизация индустриального рабочего повысилась на 3%. Эти цифры характеризуют притягательную силу политики УКП для указанных социально-экономических групп в относительном плане. Но было бы опрометчиво из контраста приведенных цифр делать окончательные выводы о социально-экономическом характере УКП. Следует учитывать, что за разницей в 40—50% скрывается разрыв в объемах этих групп. По приблизительным расчетам, потеря голосов в размере 10—15% в наборе властвующей элиты равна потере приблизительно 60 тыс. избирателей, тогда как выигрыш в 2% среди трудящихся слоев населения означает примерно такое же количественное увеличение рабочих избирателей УКП. Такие социальные подвижки привели к тому, что удельные веса обеих групп в электорате УКП значительно уравнились⁵.

Что касается отклонений политического поведения отдельных групп от общего электорального образца, то в наборе электората УКП это проявляется только в отношении крестьянства. Эта группа отличается от других социальных групп, чей поведенческий стереотип совпадает с трендом, характеризующим положение УКП в общем политическом балансе страны. Так, в период с 1958 по 1970 гг., когда доля УКП в национальном электорате сократилась с 19,5 до 11,5%, группа крестьянства проявляла колебания: ее поддержка партии то усиливалась, то слабела. В последующий период, с 1970 по 1982 гг., наоборот, удельный вес партии в политическом балансе рос (с 11,5 до 23,6%), а мобилизация крестьянства в электорат УКП уменьшалась. Правда, в последнем случае источники не позволяют очень точно проследить за поведением крестьянства, но во всяком случае такая тенденция имела место до второй половины 70-х годов.

И последнее. Следует обратить внимание на тот факт, что в отличие от агрегатного анализа, который выявил, что набор партийного электората из разных агрегатных групп происходит в целом на уровне доли этой партии в национальном электорате, анализ по социально-экономической структуре показывает довольно существенные особенности мобилизации разных групп в зависимости от партии. Доля партии в национальном электорате в данном случае уже не может служить индикатором, характеризующим уровень политического притяжения определенной партии в разных социально-экономических группах. Как мы видели, набор электората УКП из крупных предпринимателей и высшего чиновничества составил 39—57%, тогда как мобилизация рабочего класса не превышала нескольких процентов.

Анализ мобилизации электората партии Центра обнаружил, что несмотря на перестановку идеологических акцентов на конгрессе в Карлстаде в 1957 г., который сориентировал партию на интересы широких слоев среднего класса, партия Центра продолжала черпать существенную часть своих сторонников именно из крестьянства. Если в 1956 г. она сумела мобилизовать 41% из этой социальной группы, то в 1976 г.

⁵ Если произвести такие же выкладки на основе численности Центрального объединения профсоюзов Швеции, куда входит преобладающая часть шведского рабочего класса (в традиционном смысле — индустриальные рабочие), то усиление влияния УКП в рабочей среде проявится в меньшей мере и наберет не более 30 тыс. новых избирателей.

— уже 69%. Однако для социально-экономического портрета партии куда важнее укрепление ее позиций среди остальных социально-экономических групп (по сравнению с положением во второй половине 50-х годов). Относительный электоральный набор из этих групп возрос в среднем в 2—3 раза. Особенно заметно выросла доля служащих: с 2% в 1956 г. до 24% в 1976 г. Приблизительно на этом же уровне сохранилась поддержка партии Центра со стороны мелких предпринимателей и сельскохозяйственных рабочих. Что касается крестьянства, то его поведение опять-таки отличается от общего (электорального) поведенческого тренда: в 60-е годы, когда партия Центра находилась на подъеме, мобилизация этой группы несколько снизилась.

Народная партия — либералы — была и осталась в основном партией городских предпринимателей, хотя со временем мобилизация предпринимательских (особенно мелких) слоев заметно уменьшалась, а других групп увеличивалась. Отличающееся от общего электорального тренда поведение социальных групп можно наблюдать и при формировании электората Народной партии. Это было, вероятно, связано, по крайней мере частично, с особенностями в положении тех или иных социально-экономических групп в разное время: служащих в 1956—1960 гг., крестьян в 1960—1964 гг., сельскохозяйственных рабочих в 1964—1968 гг.

В наборе электората СДПШ можно отметить следующие структурные сдвиги. Заметно выросла доля мобилизации крупных предпринимателей и высшего чиновничества (с 4% в 1956 г. до 21% в 1976 г.). В меньшей мере увеличивался набор мелких предпринимателей и сельскохозяйственных рабочих. Мобилизация рабочего класса осталась на уровне начала 60-х годов или даже несколько уменьшилась (если судить по данным 1956 г.), а служащих — колебалась в целом вне связи с общим трендом изменения доли СДПШ в политическом балансе страны. Отклоняющееся поведение в отношении социал-демократического набора можно отметить и в группе крестьянства.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что социал-экономический характер поддержки СДПШ в национальном электорате потерял кое-что из своей классовой направленности. Этот сдвиг, однако, не столь существен, чтобы отменять характер социально-экономической мобилизации СДПШ. Глубина сдвига вполне сравнима, например, с противоположными изменениями в структуре мобилизации электората УКП. Притяжение рабочего класса к СДПШ (за исключением сельскохозяйственных рабочих) в 1976 г. (68%) было только чуть слабее, чем в 1956 г. (72%).

Таким образом, в изучаемый период происходило некоторое выравнивание в социально-экономическом наборе партийных электоратов. Эти процессы не зашли, однако, настолько далеко, чтобы затухевать различия в социально-экономической направленности разных партий⁶. Такое развитие, видимо, учитывалось, когда выдвигалась концепция об отмирании идеологии или когда высказывалась мысль о том, что социальные различия между партиями сглаживаются. Ибо в принципе выравнивание социальной опоры различных партий неминуемо должно привести и к некоторому ослаблению социально-политических противоречий между

---

⁶ Л. Левин, который изучал период 1887—1968 гг., пишет об относительной продолжительности социальных процессов в шведском электорате следующее: «Социальная структура трех оппозиционных (т. е. буржуазных) партий за 40 лет становилась с течением времени все более схожей... В ходе мобилизации шведского электората произошли многие изменения. Партии могли время от времени отмечать, что их влияние распространялось на все новые социальные слои» (Lewin, L. The Swedish Electorate 1887—1968. Stockholm, 1972, 286—288).

ними, хотя бы к частичному переносу этих противоречий из социальной сферы в сферу мировоззрения⁷.

Результаты анализа социально-экономических источников мобилизации электората ЛПК не вполне сопоставимы с результатами предыдущего разбора. Во-первых, относительный вес ЛПК отличается на порядок от веса остальных партий и, во-вторых, материал, характеризующий мобилизацию ЛПК из разных социально-экономических слоев общества, граничит с маргиналом вероятности. Следовательно, заключения, опирающиеся на количественный материал, который в значительной мере зависит от статистической ошибки, не могут рассчитывать на полную достоверность. К тому же, как было указано выше, в рассматриваемый период изменение тренда ЛПК в политическом балансе страны проявляет скорее характер временных колебаний, чем длительного цикла. Поэтому тренд может служить лишь вспомогательным средством при выводах, а опираться следует на конкретные величины параметров. Тем не менее, имея в виду вышесказанное, постараемся сформулировать некоторые выводы относительно набора электората ЛПК.

Первое, что отличает электоральный набор ЛПК от схемы мобилизации других партий, это то, что политическое притяжение ЛПК к разным социально-экономическим группам носит несколько более сбалансированный характер, чем остальных партий, которые обнаруживают признаки их социального предпочтения со стороны определенных социально-экономических групп. В этом смысле ЛПК относится скорее к *idépartî*, нежели к *intréssepartî*. Разумеется, влияние коммунистов на трудящиеся слои населения сомнению не подлежит, но перевес в эту сторону, судя по данным соответствующих исследований и учитывая вклад партии в политический баланс страны, оказался не столь очевидным, как, например, у УКП в группе крупных предпринимателей и высшего чиновничества или у СДПШ в группе рабочего класса.

Следует обратить внимание и на то, что отличающаяся от остальных партий мобилизация в электорат ЛПК происходит в целом на уровне доли ЛПК в национальном электорате. Только степень мобилизации крестьянства осталась явно ниже этого уровня.

Судить о структурных изменениях в наборе электората ЛПК довольно трудно, так как данные 1956 г. не вписываются в общую схему. Между 1956 и 1960 гг. либо произошли крутые перемены в отношении определенных социально-экономических групп к ЛПК, либо изменились критерии или методика статистического учета. По некоторым соображениям, последнее представляется более вероятным. Если это так, то в структуре электората ЛПК увеличилась доля как непролетарских слоев населения (исключая крестьянство), так и служащих. Но вместе с тем электоральная поддержка ЛПК этими группами была менее стабильной, чем пролетариатом.

2. Социальный состав партийных электоратов

Изучение социального состава партийных электоратов позволяет увидеть «представительные» функции партии под несколько иным углом зрения. Если в предыдущем разделе анализировалась мобилизация партийных электоратов из разных социально-экономических групп и выяс-

⁷ Как отмечает Г. Г. Дилигенский, материалы многочисленных опросов и интервью 70-х и 80-х годов свидетельствуют о том, что значительная часть, а в ряде стран — большинство рабочих и служащих выражают взгляды, в которых трудно выделить какую-либо преобладающую позицию, свидетельствующую об их отношении к социальной действительности (Дилигенский Г. Г. Массовое общественно-политическое сознание рабочего класса капиталистических стран: проблемы типологии и динамики. — Рабочий класс и современный мир, 1984, № 1—2, 41—42).

нялась степень притяжения определенной партии в отдельных социальных группах, то теперь будем изучать межгрупповые соотношения в электоратах партий. Важность этого аспекта заключается в том, что партия получает свой «мандат» политической или государственной власти не от той или другой социальной группы, ее поддерживающей, а от совокупности всех избирателей, голосующих за нее, т. е. от электората в целом. Следовательно, партия выражает и представляет интересы тех людей, которые составляют ее электорат. Такое положение вступает в противоречие с другим, которое придает решающее значение тому факту, какая часть той или другой социальной группы примкнет к определенной партии⁸. Для освещения эмпирических основ решения подобного противоречия и предпримем последующий анализ.

Прежде чем приступить к рассмотрению социального состава электоратов по отдельным партиям, сделаем несколько замечаний. Так, единственное, что присуще всем этим электоратам изучаемых партий, — это уменьшение в них доли крестьянства. Наиболее заметно это, конечно, в электорате партии Центра, где она упала с 77% в 1956 г. до 23% в 1979 г. Такое уменьшение доли крестьянства происходило более или менее равномерно во всех электоратах, и вызвано оно сильным сокращением сельскохозяйственного населения вследствие перемен в экономической структуре страны. В остальном, пожалуй, электорат каждой партии выявляет собственный социологический механизм формирования. Последнее определяется, с одной стороны, идейно-политической направленностью партии, а с другой — ее социально-экономическими устремлениями. Сложность изучения механизма формирования социальной структуры электората заключается в том, что ему одновременно присущи как известные сдвиги, имеющие характер длительных процессов, так и определенная стабильность, постоянство сложившейся структуры. Оба явления отмечались в разных контекстах и советскими исследователями, но без определения их количественной меры. На стабильность электоратов крупных партий Великобритании указывала И. Е. Городецкая, на «размывание» электоратов основных буржуазных и социал-демократических партий обратил внимание В. А. Туманов⁹. В своей статье, однако, он утверждает, что электораты коммунистических и рабочих партий «как правило, не знают такой тенденции».

Упомянутые авторы относят эти явления скорее к специфическим условиям конкретной ситуации, нежели к универсальному социальному механизму политического развития.

В соответствующей шведской литературе о периоде 1956—1973 гг. отмечается следующее: «В политической перспективе наиболее важным является факт, что социальный состав партийных электоратов в общем и целом не изменился за последние 20 лет. Единственное исключение составляет в этом отношении партия Центра»¹⁰.

Для характеристики и разделения отдельных партий в плане структурной стабильности, а также для определения места какой-то социальной группы в структурной схеме электората трудно найти единый критерий. Порой одна и та же количественная величина критерия может служить в одном случае основанием для формирования заключений о

⁸ Варрак Т. К. Социальная база Умеренной коалиционной партии в Швеции (1945—1970). — В кн.: Современная Северная Европа. (Аспекты общественного развития.) Таллинн, 1981, 43—46.

⁹ Городецкая И. Е. Избиратели главных политических партий Великобритании. — В кн.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. (Отв. ред. А. А. Галкин, Г. Г. Дилигенский.) Москва, 1971, 381—383; Туманов В. А. Буржуазные партии и выборы. — В кн.: Политические отношения: прогнозирование и планирование. Москва, 1979, 146.

¹⁰ Petersson, O. Change in Swedish Political Behavior. (Göteborgs Studies in Politics). Uppsala, 1975.

стабильности, а в другом — о переменчивости в социальном составе электората. Ибо абсолютной стабильности нет, а для оценки переменчивости вряд ли можно найти строгие, подходящие на все случаи, т. е. нормированные критерии. Но одно несомненно: изменения в социальной структуре партийных электоратов имеют иной социологический механизм, чем изменения в электоральном весе партий. И действительно, если электоральный вес партий меняется трендообразно, а за трендами скрываются сходные изменения во всех подразделениях структуры мобилизации, то изменения в социальной структуре электоратов партий, очевидно, вызываются неодинаковой или даже противоречивой реакцией всей структуры на складывающийся политический процесс. Но, как отмечалось выше, эмпирический материал с трудом поддается обобщению и не позволяет раскрыть конкретный социологический механизм таких изменений. Тем более что 1) в социальной структуре электората одной партии может в течение длительного времени сохраняться в целом относительно стабильный характер; 2) в структуре другой — одни группы могут проявлять стабильность, другие меняться; 3) в структуре третьей — относительный вес всех групп может меняться довольно ощутимо. Со всей очевидностью это обнаруживается, когда изучение социальной структуры электоратов происходит в понятиях, уровень обобщения которых более или менее сравним с уровнем обобщения социально-классового анализа. В таком случае социальный состав электоратов целесообразно проводить по старой шведской системе статистического учета, т. е. разделяя его на высший, средний и рабочий классы¹¹. Тогда в первую схему впишется социальная структура электората У КП: в 1956 г. процентное соотношение в ней высшего, среднего и рабочего классов составляло 29:56:14% соответственно. К 1979 г. это соотношение изменилось незначительно — 30:52:15%. В качестве примера второй, более распространенной схемы можно привести электорат Народной партии. В 1956 г. соотношение между указанными группами в ее электорате было 12:52:34%, а в 1979 г. — 20:50:28%. Такая схема структурных изменений характерна и для социал-демократов: в 1956 г. соотношение между социальными группами в электорате СДПШ было 1:24:64%, в 1979 г. — 5:28:65%. Наконец, третья схема характерна для ЛПК. В ее электорате соотношение этих групп изменилось с 0:23:77% в 1960 г. до 8:38:41% в 1979 г.

Конечно, приведенные цифры позволяют сравнить положение в начале и в конце периода. Промежуточное развитие остается, таким образом, вне анализа. Но как показывает эмпирический материал, такие изменения (если они имели место) происходили в основном плавно и постепенно. В тех немногочисленных случаях, когда наблюдалось кратковременное резкое изменение относительного веса какой-нибудь социальной группы, судить о характере и причинах такого сдвига в данной связи трудно. Он действительно мог быть вызван изменением поведения одной группы, либо каких-то других при неизменном поведении первой, либо за ним скрывается неточность статистического учета и, разумеется, то и другое вместе. Во всяком случае более резкое изменение относительного веса определенной группы в электорате партии не сопровождается в конечном счете заметными сдвигами данной партии в политическом балансе страны, т. е. такой сдвиг, видимо, не вызывает сколько-нибудь резких колебаний в расстановке политических сил страны.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Tingsten, H. Political Behavior. Studies in Election Statistics.* London, 1937, 161. Что касается желательности применения понятий категоричной системы классового анализа, то количественный анализ классов и промежуточных групп капиталистического общества затруднен в силу специфики объектов измерения и отсутствия необходимых статистических данных (*Надель С. Н. Современный капитализм и средние слои.* Москва, 1978, 84).

Социальная структура электоратов рабочих и буржуазных партий (в среднем по классу), %

Агрегатный параметр	1948	1956	1960	1964	1968	1976	1979
Рабочие партии							
высший класс	—	1*	1*	1	3	6	7
средний класс	18	24*	24	27	18	29	33
рабочий класс	83	64*	76	74	69	62	53
Всего	101	89	101	102	90	97	93
Буржуазные партии							
высший класс	10	12	12	12	14	19	19
средний класс	67	64	67	65	54	50	52
рабочий класс	24	21	19	19	24	27	26
Всего	101	97	98	96	92	96	97

* Данные относятся только к СДПШ.

Более определенно можно говорить о социальном механизме формирования массового политического баланса общества, если применять обобщающие понятия не только в отношении социальной структуры электоратов, но и в отношении партийно-политических направлений. По традиционному идеологическому водоразделу эти направления распадутся на два: рабочие и буржуазные партии. Для большей наглядности изложим материал в форме таблицы (см. табл. 2), включив в нее для убедительности и данные, характеризующие положение в 1948 г.

За 30 лет развития существенно преобразовалась социальная организация общественного производства, а следовательно, и система, а порой и характер социальных, профессиональных, экономических и прочих взаимоотношений людей. Такие изменения не могли не сказаться на жизненном опыте десятков и сотен тысяч людей. Но несмотря на это, социальная структура электоратов противоположных идейно-политических направлений не выявляет каких-то драматических изменений. Все ее элементы более или менее сохранили свое место в структурной схеме, хотя их относительный удельный вес все же изменился (табл. 2). Видно также, что процесс структурных перемен в электоратах не связан с трендообразными колебаниями в политическом балансе, а вызван, очевидно, общими изменениями социальной структуры общества. Глубина и характер таких изменений (10—30%), их постепенность несомненны; дело касается не случайных, а законообразно развивающихся социально-политических процессов, определяющих политический баланс общества.

Рассмотрим основные черты этих сдвигов. Первое, что бросается в глаза, это то, что в социальной опоре рабочих партий существенно уменьшилась доля рабочего класса (30%) и увеличилась роль высшего класса и, особенно, средних слоев. С другой стороны, в социальной опоре буржуазных партий трудящиеся слои населения сохранили свое прежнее место и вес, но доля средних слоев уменьшилась, а удельный вес властвующей элиты, т. е. высшего класса, в несколько меньшей мере увеличился.

Характер структурных сдвигов в обоих идейно-политических направлениях проявляется особенно отчетливо, если сравнить социальный состав электоратов не просто в двух временных разрезах, а выбрать эти разрезы таким образом, чтобы политический баланс между обоими направлениями оставался минимально затронутым, т. е. элиминировать влияние факторов, его вызывающих.

Обобщая материал, можно сформулировать некоторые заключения и относительно социального механизма, на который опираются тренды в политическом балансе страны.

Как показывает изменение социальной структуры электората рабочих партий, их успехи в 1956—1968 гг. можно отнести за счет возросшей политической поддержки со стороны рабочего класса. В предыдущий период его доля в электорате рабочих партий уменьшалась, а доля средних слоев увеличивалась. Если учесть, что степень набора трудящихся за это время существенно не изменилась, то напрашивается вывод, что возросший вес рабочего класса в электорате рабочих партий (а следовательно, и политический успех на выборах) был обусловлен прежде всего увеличением объема данной категории избирателей, а не только распространением политического влияния рабочих партий на этих избирателей.

С 1968 по 1976 гг. политическое влияние рабочих партий на избирательный корпус ослабло. Это происходило в направлении снижения доли рабочего класса в электорате рабочих партий при одновременном увеличении роли высшего и среднего классов. Степень мобилизации трудящихся опять мало изменилась (в группе сельскохозяйственных рабочих даже повысилась). Следовательно, причины снижения политического веса рабочих партий в этот период — в уменьшении объема категории «рабочий класс» (что дало о себе знать начиная с середины 60-х годов) и в недостаточном «переключении» средних классов на сторону рабочих партий.

Снижение относительного веса трудящихся в электорате рабочих партий продолжается и после 1976 г., но электоральный вес этих партий в политическом балансе растет. Одновременно заметно возрастает удельный вес как средних слоев, так и высшего класса.

Перейдем теперь к буржуазным партиям, поделив изучаемое время также на периоды. С 1964 по 1976 гг. их положение в суммарном соотношении сил улучшилось. В период подъема в электорате этих партий увеличилась доля высшего и рабочего классов и, наоборот, снизилась доля среднего класса. Проследить за социальной механикой в последующие годы, когда массовые политические настроения изменились не в пользу буржуазных партий, труднее, так как последовательность источников обрывается на 1979 г. Но существующий материал не противоречит тому, что процесс этот начался с падения активности рабочего электората и с его отхода от буржуазных партий.

Рассмотрим теперь конкретно социальный состав электоратов отдельных партий, стараясь определить как их характерные черты, так и особенности, а также схему изменения.

В социальном составе электората УКП можно отметить серьезные изменения в положении двух социально-экономических групп из рассматриваемых пяти. Как уже отмечалось, крестьянство утратило свое значение во всех партийных электоратах из-за сильного сокращения численности этой группы. В электорате УКП его относительный вес уменьшился с 20% в 1956 г. до 7% в 1979 г. Напротив, удельный вес группы служащих среднего и низкого ранга, т. е. тех групп, численность которых в современных условиях быстро увеличивается, — возрос в электорате УКП с 22% в 1956 г. до 35% в 1979 г. Эта социально-экономическая группа стала, таким образом, наиболее мощной в электорате консерваторов. Относительный вес властвующей элиты, т. е. крупных предпринимателей и высшего чиновничества, в электорате консерваторов несколько колебался, но в целом остался на рубеже 30%. Очень стабильной была поддержка УКП со стороны определенных групп рабочего класса (14—15%); несколько менее устойчивой — со стороны группы мелких предпринимателей, в чем, видимо, тоже отразилось уменьшение числен-

ности этой группы в социальной структуре общества вследствие дальнейшей концентрации и централизации производства.

В социальном составе электората партии Центра единственной группой, которая более или менее сохранила свой относительный вес, была группа мелких предпринимателей. Все остальные группы заметно изменили свое положение в структурной схеме электората. Применяв для сравнения старую систему социально-статусной классификации, получим следующую картину структурных сдвигов в электорате партии Центра (см. табл. 3): властвующая элита увеличила свой относительный вес со статистического поля на скромные 7%; удельный вес среднего класса (включая служащих), т. е. в основном мелкобуржуазных слоев, уменьшился с 86 до 52%, а доля рабочего класса выросла с 14 до 36%.

Таблица 3

Относительный вес социально-экономических групп в электорате партии Центра, %

Агрегатный параметр	1956	1964	1976	1979
Крупные предприниматели и высшее чиновничество	—	1	8	7
Крестьянство	77	48	19	23
Мелкие и средние предприниматели	5	10	7	7
Служащие	4	11	24	22
Рабочие	14	20	39	36

Однако если изучать изменения в социальном составе электората партии Центра за более длительный отрезок времени, с 1948 по 1979 гг., то происшедшие сдвиги оказываются не столь глубокими. В отношении властвующей элиты картина не меняется, но уменьшение доли мелкобуржуазных средних слоев, как и увеличение относительного веса рабочего класса оказываются менее впечатляющими. Доля первых упала в этот период с 78 до 55%, а удельный вес рабочего класса вырос с 22 до 36%¹². Возможно, более стабильное положение в период 1948—1979 гг. (по сравнению с периодом 1956—1979 гг.) связано, по крайней мере частично, с тем обстоятельством, что партия Центра, находясь вместе с СДПШ в 1951—1957 гг. у власти, претерпела известные подвижки в своей социальной опоре. Эти смещения, вероятно, коснулись сильнее всего крестьянства. Но после распада коалиции такие сдвиги могли выровняться, а электорат мог более или менее восстановить прежнюю структурную схему¹³. Во всяком случае по социальной структуре электорат партии Центра 1960 г. отличался от электората 1948 г. совсем немного, тогда как данные, относящиеся к 1956 г., говорят о существенном преобразовании электорального баланса между категориями «средний и рабочий классы».

Социально-экономический характер электората партии Центра изменился за рассматриваемое время следующим образом. В середине 50-х годов партия бесспорно оправдывала свое тогдашнее название «Крестьянский союз» — 77% ее избирателей составляли крестьяне. К рубежу 80-х годов доля крестьянства в электорате уменьшилась чуть ли не на четверть. Примерно такой же электоральный вес набрала группа мелких

¹² Hästad, E. «Gallup» och den svenska väljarkåren. Några studier om opinionmätningarna. Uppsala, 1950, 126.

¹³ Во времена коалиции обе партии испытывали внутреннюю напряженность, что привело к оттоку избирателей. См.: Carlsson, S., Rosén, J. Svensk historia, 2. Stockholm, 1970, 730.

и средних предпринимателей, а также служащих (относительный рост более чем в пять раз), а доля рабочего класса увеличилась с 14 до 36%. Рабочий электорат партии Центра состоял в основном из сельского пролетариата (две трети), меньшая часть набиралась из городских рабочих слоев. Вместе со служащими рабочие избиратели составили на рубеже 80-х годов около 60% электората партии Центра.

По социальному составу избирателей Народная партия похожа на другие буржуазные партии в том смысле, что в ней нет таких социальных групп, удельный вес которых заметно превышал бы треть в общем электоральном балансе. В начале изучаемого периода в электорате Народной партии наиболее сильно был представлен рабочий класс — 34%. К началу 80-х годов доля рабочих уменьшилась до 28%. В структурной схеме их место заняли служащие. Они увеличили свой удельный вес с 30% в 1956 г. до 38% в 1979 г. На обобщающем уровне можно отметить, что в электорате Народной партии доля рабочего и среднего классов уменьшалась, а удельный вес высшего класса увеличивался. Это увеличение, однако, чисто механическое — результат уменьшения относительного веса первых двух групп, так как набор электората Народной партии из группы властвующей элиты тоже довольно заметно уменьшился (с 37 до 19%). Такие процессы обнаруживаются со всей убедительностью, если продлить временную дистанцию до 1948 г.¹⁴ Но несмотря на беспорочность структурных сдвигов в электорате Народной партии как продолжительных процессов (а не случайных колебаний), масштабность таких сдвигов не идет ни в какое сравнение с уменьшением ее массовой политической поддержки, которая упала с 23,8% в 1956 г. до 5,9% в 1982 г., т. е. почти в четыре раза. На таком фоне структурные сдвиги в электорате Народной партии не представляются особенно внушительными или противоречащими утверждению, что массовое политическое сознание и поведение (в электоральном понимании) меняются в общем по единому сценарию во всех основных социально-экономических группах. Именно это следует иметь в виду, когда говорят об относительной самостоятельности развития массового политического сознания.

Учитывая сказанное, можно считать оправданным заключение, что основная причина, которая побудила избирателей отвернуться от Народной партии, заключается не столько в проводимой ею конкретной политике, сколько в неприемлемости либерально-буржуазной идеологии для избирательного корпуса в целом¹⁵.

Социальный состав электората СДПШ (а в несколько меньшей мере и ЛПК) отличается от электоратов буржуазных партий тем, что в нем рабочий класс занимает явно главенствующее положение: 65—74% за изучаемый период. Если разграничить *idépartî* от *intréssepartî*, то социал-демократы бесспорно принадлежат к *intréssepartî*, так как электорат СДПШ на две трети состоит из социально-однородного элемента (см. табл. 4), остальные группы имеют более или менее маргинальный характер¹⁶.

Если добавить к рабочему электорату еще группу служащих, значительная часть которых имеет в классовом отношении сходное положение

¹⁴ Относительный вес отдельных структурных элементов в электорате Народной партии изменился с 1948 по 1979 гг. следующим образом: властвующая элита — с 8 до 20%, средний класс (крестьянство, мелкие и средние предприниматели, служащие) — с 58 до 50%, рабочий класс — с 34 до 28%.

¹⁵ *Варрак Т. К.* Народная партия, 49—50.

¹⁶ Не прибегая к помощи количественного материала, М. А. Могунова утверждает, что социал-демократические партии Скандинавских стран неоднородны по своему составу. В них входят рабочие, интеллигенция, значительная часть служащих. Основную опору лидеры социал-демократов видят в рабочей аристократии. См.: *Могунова М. А.* Скандинавские государства: центральные органы власти. Москва, 1975, 197.

Относительный вес социально-экономических групп в
электорате Социал-демократической партии, %

Агрегатный параметр	1960	1964	1968	1976	1979
Крупные предприниматели и высшее чиновничество	1	1	2	5	5
Крестьянство	2	1	1	1	1
Мелкие и средние предприниматели	3	4	4	3	3
Служащие	20	25	16	22	24
Рабочие	74	69	66	67	65

с рабочим классом, тогда степень социальной однородности социал-демократического электората достигнет 80—90%. Доля крестьянства, и так незначительная, упала до 1%, доля мелких предпринимателей — до 3%, но удельный вес властвующей элиты, т. е. высшего класса, возрос до 5%.

На обобщающем уровне сдвиги в социальной структуре социал-демократического электората не отличаются по глубине от подобных сдвигов в электоратах буржуазных партий. В ретроспекции особенно ясно просматривается уменьшение значения рабочего электората и увеличение роли средних слоев¹⁷, среди которых наиболее весомое место занимают служащие. И то и другое вызвано в основном общими изменениями в социальной структуре общества, которые состояли в сокращении производственной сферы и расширении сферы обслуживания общественного производства.

Таблица 5

Относительный вес социально-экономических групп в
электорате Левой партии коммунистов, %

Агрегатный параметр	1960	1964	1968	1976	1979
Крупные предприниматели и высшее чиновничество	—	—	4	7	8
Крестьянство	6	1	—	1	—
Мелкие и средние предприниматели	5	3	—	4	4
Служащие	12	18	14	25	34
Рабочие	77	78	71	56	41

Существенные перемены обнаруживаются в социальном составе электората ЛПК (см. табл. 5). Удельный вес рабочих, самой представительной социально-экономической группы в электорате, снизился с 77% в 1960 г. до 41% в 1979 г. Такой резкий спад сравним лишь с уменьшением доли крестьянства в электорате партии Центра. Компенсирующий рост относительного веса служащих (22%), хотя он и был значительным, все же нельзя рассматривать выходящим за пределы «допустимого», т. е. нарушающим структурное равновесие. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что рост группы «высший класс» в электорате ЛПК шел быстрее, чем в электорате СДПШ. На обобщающем уровне происшедшие в электорате ЛПК сдвиги сходны со сдвигами в электо-

¹⁷ С 1948 по 1979 гг. доля рабочего класса в электорате СДПШ снизилась с 76 до 65%; средний класс увеличил за это же время свое представительство с 23 до 28%.

рате СДПШ, но по своей глубине они намного основательнее (особенно, если рассматривать эти процессы начиная с 1948 г.)¹⁸.

Посмотрим теперь, какой свет проливает изучение социального состава электората на понятие «социальная база партии». Ради упрощения ограничимся анализом материалов конца 70-х годов.

Если начать с того, какая социальная группа преобладает в электорате, то придется признать, что в электоратах всех партий, как буржуазных, так и рабочих, относительно самыми сильными группами являются рабочие и служащие, т. е. трудящиеся. В 1979 г. их удельный вес в электорате УПК был равен 50%, в электорате партии Центра — 58%, в электорате Народной партии — 66%, в электорате СДПШ — 89%, в электорате ЛПК — 75%. Правда, в предыдущий обобщающий материал была включена и группа служащих, относимая статистикой 40—50-х годов к среднему классу. За рассматриваемое время, однако, социальное положение служащих уподобилось положению рабочих, так что их разбор совместно в классовой структуре общества в конце 70-х годов стал для советской общественной науки делом само собой разумеющимся¹⁹.

Если, наоборот, попытаться установить, в каких электоратах та или другая социально-экономическая группа занимает наиболее сильное положение (в относительном смысле), то картина получится иной. Господствующая элита, т. е. высший класс по старой статистической системе учета, имеет наилучшее положение в электорате УПК. Но и там ее относительный вес не превышает 30%, т. е. эта группа остается в электорате УПК значительно слабее, чем группа разных категорий трудящихся. Крестьяне представлены наиболее сильно в электорате партии Центра (23%). Остальные социально-экономические группы — мелкие и средние предприниматели, служащие — распределяются между партиями более или менее равномерно. Так что выделить определенную партию, в электорате которой эти группы имели бы более сильное положение, практически невозможно. Разве только можно сделать такое разделение: в электоратах буржуазных партий относительный вес группы мелких и средних предпринимателей составляет 7—10%, в электоратах рабочих партий — 3—4%. Примерно такое же соотношение служащих: в электоратах консерваторов (УКП), либералов (Народная партия) и коммунистов (ЛПК) удельный вес этой группы колеблется в пределах 34—38%; в электоратах партий Центра и социал-демократов (СДПШ) — 22—24%. Единственной группой, занимающей доминирующее положение, являются рабочие в электорате СДПШ (65%), хотя эта группа была весомой и в электорате ЛПК (41%), и в электорате партии Центра (36%).

Приведенную характеристику партийных электоратов небезынтересно сравнить с распределением социально-экономических групп по степени их политического набора в разные электораты. Возьмем данные за 1976 г. Властвующая элита бесспорно поддерживала прежде всего УПК (39%). Хотя социал-демократы набрали из этой группы почти вдвое меньше сторонников (21%), все равно элита оказалась представленной полнее в СДПШ, чем в Народной партии и партии Центра, т. е. в буржуазных электоратах. Крестьянство тяготело к партии Центра (69%), мелкие и средние предприниматели распределились относительно одинаково (21—25%) между всеми партиями, за исключением ЛПК. За коммунистов голосовало всего 3% этой категории избирателей. Служа-

¹⁸ В 1948 г. представители среднего класса в электорате ЛПК (бывшей КПШ) составили 11%, а рабочего класса — 89%. См.: *Hästad, E.* «Gallup» och den svenska väljarkåren, 126.

¹⁹ *Надель С. Н.* Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. Москва, 1976, 71.

щие отдали предпочтение социал-демократам (43%). В политических предпочтениях рабочих на первом месте тоже стояли социал-демократы (63%), на втором — партия Центра (20%). Таким образом, можно сказать, что на рубеже 80-х годов только две социально-экономические группы — крестьянство и рабочий класс — имели в шведской партийной системе своего политического представителя, за которого было отдано около двух третей голосов, т. е. абсолютное большинство данной группы. Для крестьянства это была партия Центра (69%), для рабочего класса — социал-демократы (63%). Но, как уже было сказано, только в электорате СДПШ рабочие составили абсолютное большинство. В электорате партии Центра крестьян в 1979 г. было всего лишь 23%, т. е. явное меньшинство.

Заканчивая разбор этого вопроса, следует, однако, добавить, что буржуазные партии пользовались широкой поддержкой всех рассмотренных социально-экономических групп, за исключением рабочих. Наименьшим их влияние было среди служащих (53%), наибольшим — среди крестьянства (89%). Рабочие партии черпали своих сторонников преимущественно из рядов рабочего класса (68%) и в довольно значительной мере из среды служащих (46% — вторая половина 70-х годов).

Заключение

Анализ социальных источников мобилизации партийных электоратов и их состава позволил высветить социальный механизм формирования результатов выборов, формирования массового политического баланса в Швеции: он имеет более или менее трендообразный вид во всех социальных и социально-экономических подразделениях избирательного корпуса. Другими словами, относительно длительные структурные процессы массового политического развития получили вполне определенное объяснение с точки зрения их источников и социального механизма. При этом частично обнаружился и характер социальной причинности, определяющий длительные процессы и вызывающий изменение в общем балансе политических сил. И, наконец, анализ позволил сформулировать некоторые суждения о понятии «социальная база» партии.

Структурные сдвиги в электоратах имеют характер длительных социальных процессов, т. е. они необратимы и прямо не связаны с механизмом трендов, хотя определенные совпадения могут иметь место. Обнаружить такие сдвиги в социальном механизме политического развития можно только за длительный отрезок времени, так как факторы, вызывающие колебания кратковременного характера, скрывают такие изменения от наблюдателя²⁰. Эти процессы несколько сглаживают социальные различия между разными партийными электоратами, но в то же время, надо думать, и подрывают основу существующей партийной системы, подготавливая почву для дальнейшего институционального развития политической системы страны.

В наборе электоратов структурные сдвиги прослеживаются в меньшей мере. При этом на агрегатном уровне явно обнаруживается статистическая закономерность нормального распределения²¹. В плане социально-экономического анализа структурные процессы проявляются нагляднее. В качестве примера можно сослаться на снижение мобилизации Умеренной коалиционной партией крупных предпринимателей и

²⁰ По мнению американских политологов Р. Скаммона и Б. Ваттенберга, исследователям нужно признать тот факт, что наряду с политическими приливами и отливами бывают еще волны и рябь. См.: *Scammon, R., Wattenberg, B. The Real Majority. New York, 1981, 29.*

²¹ См.: *Seagull, L. M. Youth and Change in American Politics. New York, 1977, 116.*

высшего чиновничества или на сильное увеличение набора партий Центром городского избирателя.

Рассматривая этот вопрос на обобщающем уровне, следует отметить, что мобилизация буржуазных партий в среде буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения увеличилась лишь среди крестьянства (с 72 до 89%), но снизилась в группе властвующей элиты (с 90 до 76%) и осталась на прежнем уровне в группе мелких предпринимателей (70—71%). Зато среди трудящихся слоев населения буржуазные партии увеличили свой электоральный набор из группы рабочих с 20 до 30% и, особенно, из группы служащих — с 19 до 53% в 1976 г.

Структурные сдвиги в наборе электоратов рабочих партий имеют иное направление и глубину. Мобилизация властвующей элиты, т. е. группы крупных предпринимателей и высшего чиновничества, увеличилась с 5 до 24%, а мелких предпринимателей с 22 до 27%. Притяжение крестьянства, напротив, уменьшилось с 14 до 10%. Относительно сильно сократился набор и из группы служащих (с 66 до 46%). В рабочей среде мобилизация увеличилась немного — с 65 до 68%. Эти сдвиги следует, однако, приписать СДПШ, так как набор ЛПК проявляет (особенно в настоящее время) более сбалансированный характер.

Приведенные обобщающие характеристики, разумеется, непригодны для обратного их перевода на конкретные партии. При анализе многопартийной системы с трудом применима логика «чаши весов» без насилия над эмпирическими фактами.

Второй аспект социальной механики трендов заключается в вопросе: какое воздействие на этот процесс оказывает изменение социальной структуры общества?

Изучая связь между экономическим развитием страны и изменением баланса массовых политических сил, можно отметить, что политическое развитие — в смысле проявления трендов в изменении соотношения массово-партийно-политических сил — не является прямым и закономерным (функциональным) результатом изменения социально-экономической структуры общества. Обусловленность политического размежевания общества социально-экономическим его развитием не имеет единого характера ни в разрезе политической географии, ни в разрезе социальных групп. Такие выводы находят подтверждение и при анализе мобилизации социально-экономических групп в электораты разных партий, а также при анализе социального состава электоратов. Легко проследить за этой связью на примере двух групп — крестьянства и служащих. Масштаб количественных изменений в этих группах за рассматриваемое время снимает опасения статистической погрешности в суждениях. Судя по эмпирическому материалу, как абсолютное, так и относительное уменьшение доли крестьянства в социальной структуре общества ничуть не поколебало политические предпочтения этой группы. Более того, притяжение крестьянства к партии Центра, как основному выразителю их интересов, даже возросло. Главным результатом «раскрестьянивания» страны оказалось сокращение доли аграриев в электоратах всех партий, Умеренной коалиционной партии и партии Центра особенно.

Параллельно шел процесс сильного роста группы служащих, что привело к увеличению их представительства в электоратах всех партий. Но здесь обнаруживаются и определенные структурные сдвиги, благодаря которым удельный вес этой группы в электоратах разных партий приобрел более уравновешенный характер, чем в начале изучаемого периода.

Таким образом, можно сказать, что изменения в социально-экономической структуре шведского общества за период 1956—1982 гг. не имели прямых последствий для развития соотношения массово-политических сил, а скорее «переварились» в большей части существующей политиче-

ской системой. Изменение соотношения сил обуславливалось другими, в частности и социально-психологическими причинами.

Итак, осталось лишь свести концы с концами в вопросе о социальной базе политических партий.

В советской литературе отмечается, что классовую сущность партии нельзя полностью определить по социальному составу ее членов²². Как мы могли убедиться, несмотря на особенности идейно-политических направлений партий, от 50 до 90% массовой поддержки любой из них формировалось за счет трудящихся слоев населения. Думается, что значимость этого обстоятельства, с одной стороны, подкрепляет вывод о классовой сущности, а с другой — подрывает само понятие «классовая сущность партии», лишая его значительной части предполагаемого эмпирического содержания.

Если при определении социальной базы политической партии исходить только из той или из другой социально-экономической группы, примыкающей к ней в большей мере, тогда ответить на вопрос о социальной базе партии не представляет труда: господствующая элита тяготеет к Умеренной коалиционной партии, крестьянство — к партии Центра, мелкие предприниматели распределяются более или менее равномерно между всеми партиями (кроме коммунистов), служащие и рабочий класс — к социал-демократам. При этом все же нельзя упускать из виду, что, за исключением крестьянства и рабочего класса, это притяжение имеет, во-первых, относительный характер, во-вторых, эти группы (кроме рабочих в электорате СДПШ) составляют в электоратах партий меньшинство, сравнимое по удельному весу с другими группами. Поэтому политические партии как массовые организации вряд ли могут защищать только интересы узкого слоя своих избирателей без ущерба для самих себя. Объединившиеся на политической платформе разные социальные группы имеют в сущности и общие интересы, которые данная партия выражает. Этот трюизм, однако, пока не препятствовал пониманию политической истории как производного от сугубо производственных отношений. И хотя современная советская наука теоретически «перестроилась», выдвинув более гибкие концепции, практически она еще не всегда отходит от старых представлений; исследования на эмпирическом уровне продолжают вестись по прежней методологической схеме (что отчасти трудно преодолимо и не есть главный недостаток) и порой не порывая с устоявшимися теоретическими воззрениями.

Итак, под социальной базой политической партии все же надо понимать ее электорат, т.е. избирателей, которые голосуют за нее. И это несмотря на тот факт, что в электорате партии представлены разные группы, порой с противоречивыми социальными интересами и ориентацией. Ибо политическая сила партии, ее возможности взять в руки государственную власть непосредственно зависят от масштабов ее электоральной поддержки. Более полная мобилизация одних групп по сравнению с другими не имеет большого значения, если в электорате партии они составляют все-таки очевидное меньшинство. Поэтому определение социальной базы партии простым указанием на отдельную социальную группу, интересы которой партия якобы защищает особо, является условным. Партии реально опираются на сложный конгломерат социальных сил и обстоятельств. Разная, порой противостоящая классовая принадлежность представителей этого конгломерата отнюдь не исключает того факта, что они составляют устойчивый социальный симбиоз с едиными политическими интересами и целями.

²² Тихомиров Ю. А. (отв. ред.). Основы теории политической системы. Москва, 1985, 61.

POLIITILISTE TRENDIDE SOTSIAALNE MEHCHANISM ROOTSI VALIJASKONNAS AASTAIL 1956—1982

Nüüdisühiskonna arenguprobleemide käsitlemisel põrkab uurija paratamatult kokku poliitikaga. Vähegi süvemal ainekäsitlusel kerkib küsimus, kuidas mõjutavad sotsiaalsed ja majanduslikud muutused ühiskonna poliitilisi protsesse. Seepärast on moodsa poliitika-teaduse standardprobleemiks vastavate seoste uurimine. Siinses artiklis on vaadeldud kaht seost: 1) missugune on pikaajalise poliitilise arengu sotsiaalne mehhanism ning 2) kuidas mõjutavad seda arengut muutused ühiskonna sotsiaal-majanduslikus struktuuris.

Esimene küsimus baseerub teadmisel, et poliitiliste parteide jõuvahekordades toimuvad muutused on trendilaadsed. Niisuguseid ühesuunalisi muutusi, mille vältus on 10—15 aastat, ei saa pidada õnnestunult tehtud poliitiliste otsuste tulemuseks. Õnnestumisele järgneb tavaliselt ebaõnnestumiste periood, mille pikkus tõrjub samuti mõtte trendi seost poliitiliste otsuste õnnestumisega või ebaõnnestumisega. Teisalt ei saa selliseid arenguid pidada pelgalt soodsate või ebasoodsate asjaolude juhuslikuks kokkusattumiseks. Niisiis on üks võimalikke seletusi teatud püsivate tegurite mõju, mis määravad trendide kujunemise, sõltumata konkreetsete tingimuste kombinatsioonist. Neid võib otsida erinevatest sfääridest, sealhulgas tegurite seast, mis peegeldavad inimeste elutingimusi.

Teise küsimuse taustaks on teadmine, et eri poliitilised jõud toetuvad oma tegevuses erinevatele, sealhulgas ka vastandlikele sotsiaalsetele jõududele. Teisisõnu, poliitika taga on sotsiaalsed huvid. Pikemas ajalõigis toob sotsiaal-majanduslik areng kaasa nihkeid ühiskonna huvidestruktuuris. Järelikult peaksid need kajastuma ka poliitiliste jõudude vahekordades.

Vastuse leidmiseks nimetatud küsimustele on analüüsitud poliitiliste parteide valijaskonna kujunemist ja koosseisu Rootsis ajavahemikul 1956—1982. Vaatlusele on võetud valijaskond nii agregaat- (sugu, vanus, sissetulekud, asundustüüp) kui ka sotsiaal-majanduslike gruppide kaupa: 1) suurettevõtjad ja kõrgem ametnikkond, 2) talurahvas, 3) väikeettevõtjad, 4) teenistujad, 5) töölised. Analüüsi tulemused on kokkuvõetult järgmised. Trendid poliitiliste jõudude vahekorras kujunevad üldjuhul valijaskonna käitumise tõttu, mis ei sõltu agregaat-ega sotsiaal-majanduslike gruppide vahelistest erinevustest. Kasutades Läänes kujunenud terminoloogiat, võib öelda, et poliitiliste jõudude vahelistes nihetes toimib rahvusliku, mitte sotsiaalse ühetaolisuse mehhanism (*national uniformity as opposed to social uniformity of the swing*). Seega ei kujune pikaajalise poliitilise arengu trendid mitte surve mudeli (*pressure model*), vaid üleminekumudeli (*transition model*) kohaselt.

Mis puutub ühiskonna sotsiaal-majandusliku struktuuri muutuste mõjusse poliitiliste jõudude vahekorra kujunemisele pikemal perioodil, siis need absorbeeruvad üldjuhul olemasolevas parteilises süsteemis, omamata otseseid tagajärgi jõudude vahekorrale. Siiski võib ette tulla mõningaid kokkulangevusi. Neid ei saa pidada osaks poliitilise arengu mehhanismis, vaid niisugused kokkulangevused kujutavad endast pigem juhuslikku nähtust. Seesuguste protsesside tagajärjeks on parteide valijaskonnas toimuvad sotsiaalsed nihked, mis ei sõltu muutustest jõudude vahekorras ning on, erinevalt viimastest, pöördumatud.

Ja lõpuks. Valijaskonna analüüs näitas, et massilise poliitilise protsessi uurimisel on oluline eristada kolme erinevat tasandit. Esiteks pikaajaliste pöördumatute muutuste tasand. Nende muutuste allikaks on ühiskonna sotsiaal-majanduslik struktuuris toimuvad nihked, mis on küll pöördumatud, kuid ei ole määravad ühiskonna parteipoliitilise struktuuri püsimise seisukohalt. Teisele tasandile kuuluvad trendid. Need on poliitilised protsessid (kestus 10—15 aastat), mille käigus muutuvad parteide jõuvahekorrad valijaskonnas, kuid ei muutu üldjuhul ühiskonna parteipoliitiline struktuur. See on pöörduvate muutuste tasand. Ning kolmandaks: lühiajaliste muutuste ehk päevapoliitika tasand.

Mitte päris täpselt, küll aga kujundlikult iseloomustab analüüsi «korruselisust» mõte, et poliitikas esinevad lisaks tõusule-mõõnale veel lained ja säbrutused. Nende eristamine on poliitilise analüüsi korrektsuse seisukohalt oluline ülesanne.

Toomas VARRAK

SOCIAL GEAR OF POLITICAL TRENDS IN SWEDISH ELECTORATE IN 1956—1982

This article deals mainly with two questions: (1) what kind of social movement brings about trends in electoral support for political parties in a longer run and (2) how does the structural change in a socio-economic fabric of society affect the relative strength of parties in political balance of the country? Answers to these questions are vital for a Marxist view of development and important in positivist understanding of society.

In order to find answers to the questions the sources of electoral mobilization (aggregate as well as socio-economic) and social composition of party electorate were put under scrutiny for the period 1956—1982. The principal results of analysis are the following. First, political trends in electoral support for parties appear to be produced by increasing or decreasing rate of mobilization in all social groups simultaneously. In professional parlance this means that the trends in electoral preference of voters are produced by national uniformity of the political swing in public opinion, i. e. the social gear of political trends works according to the rules of the transition model (as opposed to pressure model).

The second conclusion is that socio-economic change in the structural fabric of society does not have any direct impact either on the relative standing of parties or social gear of trends. Coincidences may occur, but in principle such a change does not have any role in the social mechanism of a trend. The existing institutional organization of politics usually absorbs those shifts in its structure by necessary adjustments in its political and ideological armory as a response to rising pressures. In a longer run this leads to changes in the social composition of party electorates, but it does not, we repeat, affect decisively their relative standing.

And the last observation. Mass political processes like electoral movements analyzed above have always three different dimensions which are often all mixed up in empirical data of sources. These dimensions represent long-, medium- and short-term views of the process. They must be kept separate in order to obtain correct results. Or as Americans have put it: in politics beside of tide and ebb there are waves as well as ripples.